

Александр Александрович Блок

**Владимир Соловьев и
наши дни**

Александр Александрович Блок

Владимир Соловьёв и наши дни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3260605

Аннотация

«Со дня физической смерти Владимира Соловьёва прошло двадцать лет, то есть промежуток времени совершенно ничтожный с исторической точки зрения. Людям нашего поколения пришлось пережить этот промежуток времени в сознательном возрасте. В это время лицо мирового переворота успело определиться в очень существенных чертах, – хотя далеко ещё не во всех. Во всяком случае, глубина изменения в мире социальном, в мире духовном и в мире физическом же такова, что она будет измеряться, вероятно, столетиями. Значительность пережитого нами мгновения истории равняется значительности промежутка времени в несколько столетий...»

Содержание

Александр Александрович Блок Владимир Соловьёв и наши дни

(К двадцатилетию со дня смерти)¹

Со дня физической смерти Владимира Соловьёва прошло двадцать лет, то есть промежуток времени совершенно ничтожный с исторической точки зрения. Людям нашего поколения пришлось пережить этот промежуток времени в сознательном возрасте. В это время лицо мирового переворота успело определиться в очень существенных чертах, — хотя далеко ещё не во всех. Во всяком случае, глубина изменения в мире социальном, в мире духовном и в мире физическом же такова, что она будет измеряться, вероятно, столетиями. Значительность пережитого нами мгновения истории равняется значительности промежутка времени в несколько столетий.

Вл. Соловьёв жил и занимал совершенно особое положение, играл роль, смысл которой далеко ещё не вполне определён, в русском обществе второй половины XIX века. В этом периоде зачиналась и подготовлялась эпоха, наступив-

шая непосредственно вслед за его кончиной; он скончался в июле 1900 года, то есть за несколько месяцев до наступления нового века, который сразу обнаружил своё лицо, новое и непохожее на лицо предыдущего века. Я позволяю себе сегодня, чисто догматически, без всякого критического анализа, в качестве свидетеля, не вовсе лишённого слуха и зрения и не совсем косного, указать на то, что уже январь 1901 года стоял под знаком совершенно иным, чем декабрь 1900 года, что самое начало столетия было исполнено существенно новых знамений и предчувствий.

Вл. Соловьёву судила судьба в течение всей его жизни быть духовным носителем и провозвестником тех событий, которым надлежало развернуться в мире.

Рост размеров этих событий ныне каждый из нас, не лишившийся зрения, может наблюдать почти ежедневно. Вместе с тем каждый из нас чувствует, что конца этих событий ещё не видно, что предвидеть его невозможно, что совершилась лишь какая-то часть их, – какая, большая или малая, мы не знаем, но должны предполагать скорее, что свершилась часть меньшая, чем предстоит.

Если Вл. Соловьёв был носителем и провозвестником будущего, а я думаю, что он был таковым, и в этом заключается смысл той странной роли, которую играл в русском и отчасти в европейском обществе, – то очевидно, что он был одержим страшной тревогой, беспокойством, способным довести до безумия. Его весьма брэнная физическая оболочка была

как бы приспособлена к этому; весьма возможно, что человек вполне здоровый, трезвый и уравновешенный не вынес бы этого постоянного стояния на ветру из открытого в будущее окна, этих постоянных нарушений равновесия. Такой человек просто изнашивается бы слишком скоро, он занемог бы или сошёл бы с ума.

Наше время сравнивали с временем великой французской революции. Такое сравнение напрашивается само собой, ибо в нём заключена правда, но не вся правда. Чем дальше разворачиваются события, тем больше утверждаюсь я в мысли, что такое сравнение недостаточно, – оно слишком осторожно, в некоторых случаях даже трусливо. Всё отчётливее сквозят в нашем времени черты не промежуточной эпохи, а новой эры, наше время напоминает не столько рубеж XVIII и XIX века, сколько первые столетия нашей эры.

На рубеже XVIII и XIX века европейский мир кипел в котле переворотов, конечно не только политических. Заново перестраивалось человеческое общество, разбушевалась социальная стихия, мир раскололся на две части: старые сословия умирали, отходили, уступали, новые – вступали в жизнь. Первоисточником переворотов была Франция; эта самая немзыкальная в мире страна весь мир наполнила звуками своей музыки. Эти звуки были грозны и величественны, то били барабаны революционных наполеоновских армий – и только. Такая музыка взрывает лишь поверхностные покровы человеческой души, она освобождает социальную

стихию, но она ещё не властна разбудить всю человеческую душу, во всём её объеме. Человек с проснувшимся социальным инстинктом – ещё не целый человек, он разбужен ещё не до конца, он ещё не представляет из себя совершенного орудия борьбы: ибо в составе его души есть ещё сонные, неразбуженные или омертвелые, а потому – легко уязвимые части. Словом, я хочу сказать, что рубеж XVIII и XIX века, время великой французской революции, имеет черты какого-то ещё неразвитого и первичного времени.

В первом столетии нашей эры обстановка была несколько иная. В историческое действие вступил весь известный в то время мир. Разумеется, прежде всего, как и у нас в Европе, была взрыта стихия политическая и вслед за ней стихия социальная, но это произошло сравнительно давно, довольно задолго до рождения Иисуса Христа. К тому времени, о котором мы стараемся вспомнить, на теле Римской империи уже не было ни одного не наболевшего места; оно во всех направлениях было покрыто ранами сверх рубцов от старых ран; только снившаяся кое-кому «древняя доблесть» (*virtus antiqua*) давно перепылала в огне гражданской войны. Конечно, мир, как и у нас в Европе, был расколот прежде всего пополам; старая половина таяла, умирала и погружалась в тень, новая вступала в историю с варварской дикостью, с гениальной яростью. Но сквозь величественные и сухие звуки римских труб, сквозь свирепое и нестройное бряцание германского оружия уже всё явственнее был слышен какой-то

третий звук, не похожий ни на те, ни на другие; долго, в течение двух-трех столетий, заглушался этот звук, которому, наконец, суждено было покрыть собою все остальные звуки. Я говорю, конечно, о третьей силе, которая тогда вступила в мир и, быстро для истории, томительно долго для отдельных людей – стала равнодействующей между двумя мирами, не подозревавшими о её живучести. В те времена эта сила называлась христианством. Никаких намеков на существование подобной третьей силы европейский XVIII век нам ещё не дает.

Различны сравниваемые нами эпохи, и существо этого различия заключается, конечно, в атмосфере, в том воздухе, которым приходилось дышать людям той и другой эпохи. Историческая наука до сих пор не знает, не умеет учесть этой атмосферы; но она ведь и является часто решающим моментом, то есть только знание о ней и помогло бы нам установить истинные причины многих событий первостепенной важности. Вот это-то обстоятельство и заставляет нас гадать об атмосфере той эпохи, которую мы хотим припомнить.

Гадая об атмосфере двух сравниваемых эпох, я думаю, что в людях первых веков нашей эры было гораздо больше косности, чем в людях XVIII–XIX века. Человек, косный по природе, часто проявляет животные черты, притом черты, роднящие его с животным не в его силе, инстинктах, ловкости, а в его слабости, в беспомощности, в беспамятстве. Чем решительнее и грознее изменяется окружающий мир, тем

чаще человек стремится не заметить этого, заткнуть уши, потушить сознание и притвориться, что ничего особенного не происходит. В этой косной спячке человек надеется выиграть время, протянуть его незаметно, и всегда, между прочим, проигрывает, как жук, притворяющийся мертвым слишком долго, до тех пор, пока его не клонет птица. Вот почему я думаю, что в эпоху, когда мир уже весь был охвачен огнём, когда уже все его тело, и физическое, и социальное, было покрыто трещинами и ранами, – люди спали крепче, чем когда-либо; сон этот можно сравнить со сном иных людей вчерашнего и сегодняшнего дня. Великолепно написано, например, в «Историях» и «Летописи» Тацита, каким крепким сном спали люди, ежедневно боровшиеся между собой и не подозревающие о том, что их борьбу уже осеняет третья сила, что все голоса их боевых труб уже заглушаются голосом третьей трубы. Если можно так выразиться, спали крепчайшим сном вечно бодрствовавшие и призывавшие на помощь всё древнее лукавство цивилизаторов – римляне; не менее крепко спали и варвары, сквозь сон и храп кулаком наотмашь сгоняя цивилизаторов со своего тела, попирая при этом все бывшие и будущие законы человеческих обществ, как их умеет попирать во все века только народ; крепко спал, между прочим, сам гениальный Тацит, описывавший все эти деяния через сто лет после смерти Христа, не подозревая по видимому, что ветер дует не из Рима, не из Германии, не из Британии, не из Испании, не из Малой Азии, а с какого-то

нового материка. Об этом материке помнили когда-то эллаты и Платон; но цивилизованных заставил забыть о нём Аристотель; а нецивилизованным вспоминать было не о чем.

Я говорю так долго об этих давних порубежных временах потому, что стараюсь восстановить в слабой памяти атмосферу эпохи, сходную с атмосферой, которой дышал Вл. Соловьёв. Его житейский подвиг был велик потому, что среди необозримых равнин косности и пошлости пришлось ему тащиться с тяжелой ношей своей тревоги, с его «сожжённым жестокой думой лицом», как говорил А. Белый². Он жил в мире Александра III, позитивизма, идеализма, обывательщины всех видов. Люди дьявольски беспомощно спали, как многие спят и сегодня; а новый мир, несмотря на всё, неудержимо плыл на нас, превращая годы, пережитые и переживаемые нами, в столетие.

Почти неуместным, неловким кажется сейчас вспоминать Вл. Соловьёва по поводу случайной годовщины. Вспоминать тома, в которых немногие строки отвечают сегодняшнему дню; но это потому, что не исполнились писания, далеко не все черты новой эры определились. Нам предстоит много неожиданного; предстоят события, ставящие крест на жизнях и мирозерцаниях дальновиднейших людей, что происходило уже в ближайшие к нам годы не однажды.

Куда же поместить нам сегодня разные знакомые лики Со-

² Из статьи А. Белого «Владимир Соловьёв» («Арабески». М., 1911, с. 388, 393).

ловьёва, где найти для них киот? Нет такого киота, и не надо его; ибо все знакомые лики Соловьёва – личины, как ясно указывал в воспоминаниях о нем А. Белый; а я уверен, что это – лучшее, что до сих пор было сказано о Вл. Соловьёве. Соловьёв философ – личина, публицист – тоже личина, Соловьёв – славянофил, западник, церковник, поэт, мистик – личины; Соловьёв, как говорит А. Белый, был всегда «мучим несоответствием между всей своей литературно-философской деятельностью и своим сокровенным желанием ходить перед людьми». Сейчас, в наши дни, уже слишком ясно, что без некоего своеобразного «хождения перед людьми» всякая литературно-философская деятельность бесцельна и по меньшей мере мертва.

Целью моих слов была только попытка указать то место, которое для некоторых из нас занимает сегодня память о Вл. Соловьёве. Место это ещё полускрыто в тени, не освещено лучами ещё никакого дня. Это происходит потому, что не все черты нового мира определились отчетливо, что музыка его ещё заглушена, что имени он ещё не имеет, что третья сила далеко ещё не стала равнодействующей и шествие её далеко не опередило величественных шествий мира сего.

Вл. Соловьёв, которому при жизни «не было приюта меж двух враждебных станов»³, не нашёл этого приюта и до сих

³ Из стихотворения В. Соловьёва «В стране морозных выюг, среди седых туманов...», которое открывало все три прижизненные издания его «Стихотворений».

пор, ибо он был носителем какой-то части этой третьей силы, этого, несмотря ни на что, идущего на нас нового мира.

13 августа 1920